

«Тень огня»

Так называется новая поэтическая книжка Натальи Кожевниковой, которая должна выйти в свет на днях. Родилась Наталья Юрьевна в Бузулуке, там же после окончания пединститута работала главным хранителем фондов краеведческого музея. Затем перешла в собственные корреспонденты газеты «Южный Урал», была заместителем главного редактора. Сегодня является главным редактором журнала «Гостиный Дворь». Наталья Кожевникова – автор четырёх книг, член Союза писателей России. Лауреат региональных и российских литературных премий. Живёт в Оренбурге. Завтра в музее ИЗО пройдёт её юбилейная творческая встреча. Предлагаем поэтическую подборку из новой книги поэтессы.

* * *
 Степь вокруг как море
 в непогоду –
 Ветра шум в ушах, волнение
 диких трав.
 Воспевал нерусскую свободу
 Здесь Чингиз и был, наверно,
 прав.

Но ни вой волков вблизи улусов,
 Ни стрелой отмеченная грудь
 Не остановили странных русов,
 Бившихся не за смерть, а за суть.

И пока воинственные ханы
 Уводили женщин их в полон,
 Степь сама залечивала раны –
 Поле битв среди ковыльных
 волн.

Я смотрю на грозные вспышки
 На границах родины моей,
 Кое-где ещё маячат вышки
 Нехоты закрытых лагерей.

Боль тысячелетий, словно мета,
 Ощутима до сих пор в груди.
 И поёт протяжно с минарета
 Невидимый глазу муэдзин...

* * *
 Вот привидится невеста что
 в полусне –
 Я опять в середине прошлого
 века.
 Репродуктор шипит на белой
 стене
 О кончине великого человека.
 На чердак убирают святые лики,
 Вдруг найдёт проверяющий
 в них крамолу.
 Поздней ночью единственной
 свечки блики
 Освятят обряд вопреки
 комсомолу
 И во славу пасхальному чуду...
 Правда, крестиков на груди
 не носили.
 Но сказал же Поэт, что Бог –
 повсюду,
 А не только в углах висит
 в бессилье...
 Во дворе расцветают белые
 кашки,
 И на бабушкиных пятаках
 они же...
 Время вышло, ни дна ему,
 ни поблажки.
 Только странно – оно мне
 всё ближе, ближе...

Июль
 Гром за рекой грохочет,
 В небе же благодать.
 Это июль не хочет
 Землю в яйцо скатать.
 Это проходит Бунин
 Между цветов и трав.

Это летит, бездумен,
 Шмель на его рукав.
 Время стоит у Леты,
 Зноем звенит лазурь,
 Нет ни одной приметы
 Будущих гроз и бурь.
 Вышит вновь васильками
 Лета летящий след.
 Это за облаками –
 То ли звук, то ли свет...
 Это июль-поэт
 Заговорил стихами.

Степные сосны
 И зачем привёз мне однажды
 крестный
 Вместо бус росток в золотой
 смоле?
 Мол, в подарок дали степные
 сосны,
 Хоть и нет таковых
 на всей земле.
 И пришлось мне, выйдя
 на босу ногу
 В предвечерний сад с молодой
 травой,
 Посадить в песок сию недотрогу
 Да поить из чарки водой
 живой.

Не гналась за славой, стихи
 и дочки
 Подрастали в соснах среди
 чудес,
 Где шептались ночью цветы
 и почки
 И река Времени обтекала лес.
 Он привык к невзгодам –
 судьба такая.
 Достаётся трудно ему вода.
 Но от корня к корню перетекая,
 Смыслословом делится он
 всегда.
 Вот и я на склоне плывущей
 Леты
 Вижу, как из тьмы подползает
 сушь,
 Как силён в поспешности –
 есть приметы –
 Древооточец сосен и мелких
 душ...

Тень огня
 Раскинуть руки и бежать –
 такая даль!
 В открытом небе чёрный
 крестик птицы,
 Гул ветра... Степь!
 И вечная печаль
 В сухом полынном воздухе
 струится.

Вчера прошёл здесь пришлый
 человек,
 Как ветер, равнодушен
 и беспечен.
 Окурочил бросил и ушёл навек.
 Искра взлетела – путь был
 бесконечен!

Вал огненный ветра потом вели,
 Рой бабочек, сгорая в нём,
 И только клин обугленной
 земли
 За ним под небом родины остался.

Полярен мир и силы неравны.
 Вот человек прошёл, и след
 за ним дымится.
 И пусть дожди идут
 на полстраны,
 Но тень того огня в траве
 таится...

Память
 Слышишь топот копыт
 И гортанные крики?
 Видишь зарево алое издалека?
 За окном проплывают опять
 в облака
 Тени предков убитых,
 Неясные, светлые блики.

А за ними летят –
 Сердце вздрогнет невольно –
 Островерхия всадники ночи
 и зла.
 В страхе прычет звезду в свой
 подол полумгла,
 Не успеет их встретить
 Набат колокольный.

Вот один настагает уже,
 Вот нагнулся...
 Вскрикнуешь: «Господи, чудо
 яви!»
 Это генная память клокочет
 в крови,
 Это красной луны
 Вдруг зрачок содрогнулся...

И проснёшься от ужаса
 В смятой постели,
 Створки окон рванёшь –
 это бред и обман!
 И увидишь – внизу распустился
 тюльпан,
 Там, где капли кровавые
 ночью атели...

На Смоленском кладбище
 У надгробий с ангелами
 нет фотографий,
 А порой имён – стирает букочки
 время.
 Что два века? – Мелочь.
 И читатели эпитафий
 Спешат, ведь у каждого
 своё время.

И кто читать их будет вечером,
 И, перепроверя каждое
 В блокнотике, дожждём
 помеченном,
 Запомяна с горькой жаждою
 Всё, что сегодня мне
 услышалось,
 Столбцами слов ко тьме
 взыскующих...
 А голуби гудят под крышею,
 Примет не зная существующих.

Петербург Лёсе

Осенний ветер попал впросак
 Среди прохожих и птичьих
 драк
 И пошевеливает слегка
 Кудряшкой у твоего виска.
 Рисует, словно в забытом сне,
 Тень ангела на пустой стене,
 Подвядший кадмий сырой травы
 И возле ног – серебро Невы.
 Её характер совсем не прост,
 И бронзовый лев поджимает
 хвост,
 Сквозняк сентябрьский
 и хмарь браня.
 Темнеет быстро на склоне дня.
 Не знаю, свидимся ли опять –
 Река то в море плывёт, то вспясть.
 Валун у дома бросает в дрожь,
 Вот-вот сорвётся с обрыва
 в дождь.
 И лишь атланты стоят во тьме,
 Любовь и вечность держа в уме.

Прогулка
 Вниз, вниз с небес по переулку,
 Пропахшим солнечным туманом,
 Где нашу летнюю прогулку,
 Смеясь, не назовут романом.
 Туда, где в чаще из крушины,
 Из розового полусвета
 Живёт предчувствием вершины
 Анапест Бунина и Фета.
 Где вылупится из печали,
 Как из яйца, цыплёнок счастья.
 Да что же птицы замолчали? –
 Ты молча сжал моё запястье.
 И солнце на кленовой ветке
 Повисло праздной паутиной
 Над шмелем в палевой розетке,
 Над всей июльской куртиной.
 Как долго этот миг продлится –
 И свет, и тень, и зной палящий?
 Позволь мне плакать и молиться,
 Привыкнуть к радости
 молчащей...
 И всё – бежать бы без оглядки,
 Забыть и день, и миг случайный,
 Слова и слёзы в беспорядке
 Разрыв-траве отдать печальной!
 ... Не смог и ливень, вероятно,
 Пройдя стремглав по переулку,
 Забыть ту летнюю прогулку,
 Ушёл на цыпочках обратно.

МНЕНИЕ

Где жизнь моя длится...

Определяя в какой раз сущность поэзии для себя самой, Наталья Кожевникова однажды выразила всю объединяющую широту её «от несказанного – до гимна, от нежности до торжества...» Торжества вознесённого над скопищем «низких истин» (А.С. Пушкин) духа, постижения жизни своей как сострадательного всему Божьего дара – и начала собственно страдательного, поскольку ведь даже и любовь человеческая есть страстное состояние души.

Высветлить её, любовь, освободить от наносного, обратить не только к близкому, родному, но и ко всему сущему, живому, человеческому и природному – такая сверхзадача себе прочитывается во всём, что написалось Натальей Юрьевной, поэтом и главным редактором хорошо известного в литературном сообществе России журнала «Гостиный Дворь». И передаётся это внимательному читателю теми, подчас неуловимыми словом «светотенями» переживаний её лирической героини, что сродни интуиции, тонкой очерченностью самого бытия, где всё понимается или чувствуется на полуслове-полувздохе. Здесь выговаривает свою историю скитаний и поисков душа:

Где жизнь моя длится, вершится, сгорая...
 И вновь воскресает, как куст купины.

Пётр КРАСНОВ,
 писатель